

«Современник» в Америке

Избавляться от стереотипов труднее, нежели их приобрести. Столь сакраментальная мысль посетила меня впервые, конечно же, не в США, куда я прилетела с артистами московского театра «Современник». В Америке, однако, я столкнулась с этим феноменом человеческой психологии вполне конкретно.

ЗРИТЕЛЬ И В АМЕРИКЕ ЗРИТЕЛЬ

Основной «театральный десант» с Чистых прудов высадился в Ситэле за месяц до начала Игр доброй воли.

Я побывала на одном из спектаклей «Трех сестер», который актеры «Современника» играли на сцене ситэловского Репертуарного театра, и на премьере «Крутого маршрута» в «Ивтиман театре». Поначалу реакция зала на реплики и диалоги чеховских героев меня насторожила. На сцене играли драму, а зритель в зале то и дело смеялся. Марина Неёлова рассказала, что актеры в первые минуты первого спектакля просто растерялись, и потребовалось сыграть несколько спектаклей, чтобы привыкнуть к такой реакции. В этом, как выяснилось, не следовало винить и переводчицу. Москвичи, смотревшие «Трех сестер» в постановке Питера Штайна, наверняка запомнили легкое, свободное дыхание этого спектакля, где взрослые будто бы не серьезно затеяли какую-то странную игру, но между тем на сцене жила пронзительная чеховская драма. В ситэловском театре произошло нечто подобное, только здесь эти взрослые и беззаботные дети оказались зрителями.

Но какими притихшими и растерянными были они на спектакле «Крутой маршрут», какой шквал оваций обрушился на актеров, когда те вышли на поклон! 27 вечеров подряд «Современник» показывал «Трех сестер», но даже когда по просьбе ситэловцев спектакль сыгнали в 28-й раз, на него все равно не

смогли попасть все желающие. К тому времени уже были распроданы и все билеты на «Крутой маршрут».

Продюсеру Норману Ланжиду, по инициативе которого произошло это событие, он обошелся в 800 тысяч долларов.

На мой вопрос: «Дорого ли это?» Норман вполне искренне признался: «Очень». Как выяснилось, гастроли советских артистов влезают американцам в копейчку, и тому же Норману выгоднее приглашать, скажем, японский театр «Кабуки», потому что у него есть валюта, чем наш «Современник», который и у себя дома перебивается с хлеба на воду. Откровенно говоря, я так и не уяснила, зачем капиталистам, осуществляющим баснословные вливания в свою культуру, помогать еще и нашей.

Кстати, бытующее утверждение, что они и цента не потратят, если это сопряжено с риском, дало трещину. Я узнала, что из всего репертуара «Современника» в Ситэл едут два спектакля — «Три сестры» А. Чехова и «Крутой маршрут» Е. Гинзбург. Первый — классика русской и мировой драматургии, а на американской сцене властвуют жанры коммерческого театра — комедия и мюзикл. Второй и вовсе грозил остаться непонятым, поскольку большинство американцев не имеют представления о временах культуры личности Сталина.

Норман и его помощники, как выяснилось, пошли на риск сознательно. Пьеса «Три сестры» была выбрана для того, чтобы американский зритель смог привыкнуть к переводу русского

текста. В афише она стояла первой, как бы готовя его к шоковой терапии спектакля «Крутой маршрут». «Мы делали это не из жалости к зрителям, — сказал Норман при встрече, — наоборот, хотели, чтобы они больше поняли и почувствовали, чтобы пережили потрясение и даже заплакали. Я представлял, как трудно будет этого добиться, потому что многие американцы живут достаточно беззаботно. Я подумал также, что если привезу комедийный или музыкальный спектакль, то и тот, и другой будут звучать неадекватно сегодняшней ситуации в вашей стране».

Можно припомнить и потрясение, которое мы пережили после просмотра спектакля «Бонсиана» в исполнении авангардистской американской труппы, и ответное желание Нормана пригласить для участия в нем советских актеров. Или эпизод, казался бы, незначительный по масштабам происходящего в дни Игр доброй воли в Ситэле, но достаточно характеризующий отношение американцев к актерам «Современника». После заключительного спектакля «Три сестры» труппу театра ждал трехдневный отдых, и измученная Марина Неёлова мечтала о бассейне. Уже через несколько минут Норман нашел бассейн и помчался в гостиницу, чтобы сообщить Марине эту весть.

Кто-то скептически заметит: чему, мол, удивляться — обыкновенная человеческая реакция, и мы так умеем. Согласно, умеем, с той лишь разницей, что у них это правило, у нас все же — исключение.

И БЛАГОРОДНО, И... ВЫГОДНО

Еще одно наблюдение, слышанное со спонсорством в Америке. Деньги на гастроли «Современника» вложили частные фирмы

и компании, одна из них страховая компания «Safeco» — самая крупная в штате Вашингтон и 27-я по величине в стране. Ее годовой бюджет 4 млн. 280 тыс. долларов. 13,4% этой суммы она тратит на поддержку различных культурных программ, плюс так называемые встречные вклады, которые рассчитаны на то, чтобы стимулировать у служащих желание вносить личные пожертвования на развитие культуры и искусства. К примеру, если в 1990 г. их вклад составил 141 тыс. долларов, то соответственно и компания, сделав встречный шаг, внесла такую же сумму. Помощник президента фирмы по культурным программам Джим Райн сообщила, что фирма финансировала не только гастроли «Современника», но также постановку оперы «Война и мир», премьеры которой состоялись в дни Игр доброй воли, и работу по экспозиции советского конструктивизма. Когда же я не удержалась и спросила, ради чего компания все это делает, последовал ответ, поразивший своей простотой: ради новых выкладчиков. Ведь если спектакли «Современника» понравятся зрителю и он узнает, что «Safeco» причастна к организации гастролей, то он предпочтет ее другим компаниям.

Словом, пока мы у себя дома изобретаем механизмы участия спонсоров в финансировании культуры, он успешно действует на Западе, где государство предоставляет возможность предприятиям и частным лицам переводить налоги в виде пожертвований театрам, музеям, библиотекам, выставкам.

Думаю, когда главный режиссер московского театра «Современник» Галина Волчек попросила у «АиФ» 150 тысяч рублей для участия актеров в культурной программе Игр доброй воли в Ситэле, она не была уверена, что коллектив редакции не предпочтет потратить эти деньги, скажем, на приобретение акций совместного предприятия по производству дефицита

или покупку так необходимой редакции оргтехники. Трудно сказать, что тогда больше повлияло на решение анфочев: первый опыт меценатства, связанный с устройством в стенах редакции небольшой выставки работ молодого художника из Куйбышева В. Терехина, или опыт участия (хотя и в роли консультантов) в создании спектакля «Современника» «Крутой маршрут», но требуемую сумму театр получил.

Конечно, если у человека одна рубашка и на другую нет денег, а предприятие едва сводит концы с концами, они не будут заниматься благотворительностью. Но если этому человеку или предприятию дать возможность заработать, они вряд ли откажут в помощи местному театру или музею, потому что высокий уровень благосостояния во все времена стимулировал развитие искусства и культуры.

Городов с населением более миллиона жителей немало и у нас. Но это, пожалуй, единственная параллель между ними и Ситэлом. Даже в Америке он лидирует среди подобных себе в числе театров, картинных галерей, музыкальных клубов, музеев. Думаю, потому, что здесь никому не приходила в голову мысль перевести театры на самокупаемость или посадить вскультуру и искусство на паше двухпроцентной государственной дотации. Американец, который жертвует на благотворительность двадцать долларов, и владелец крупного банка, тратящий на нее сотни тысяч долларов, от лично знает: финансируя культуру, они создают людей, которые не позволяют себе работать кое-как, а значит, будут заботиться о процветании нации и уровне ее цивилизованности.

Р. РЫКОВА

Ситэл — Москва.

Р. С. Вот мнение знаменитой американской актрисы Дэйли Фойда: «Я потрясена спектаклем «Крутой маршрут». Комой подступал и горю, я плакала. Я поняла, какие страдания выпали на долю вашего народа».